

Джерела та література:

1. Гуменюк В. Кримські мотиви у новітній українській літературі / В. Гуменюк. – Сімферополь : Таврія, 2007. – 320 с.
2. Шутова Л. І. Епітет в українській поезії 20-30-х років ХХ століття (структурно-семантичний і функціональний аспекти) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л. І. Шутова. – К., 2003. – 21 с.
3. Радишевський Р. Журба і радість Олександра Олесь / Р. Радишевський // Олесь О. Поетичні твори : в 2 т. / О. Олесь. – К., 1990. – Т. 1. – С. 5-47.
4. Олесь О. Вибране / О. Олесь. – К. : Радянський письменник, 1958. – 520 с.
5. Єфремов С. Історія українського письменства / С. Єфремов. – К. : Femina, 1995. – 686 с.

Ханджани Лейла**УДК 811.161.1+811.222.1****АНАЛИЗ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «НЕОБХОДИМОСТИ» В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ**

Постановка проблемы. Как известно, изучение модальности в лингвистике имеет давнюю традицию. Проблемам модальности посвящено много работ, в которых понятие модальности трактуется по-разному, но все же многие проблемы, связанные с этой категорией, остаются нерешенными. Объясняется это, очевидно сложностью понятия категории модальности и обширностью проблем, охватываемых ею. Определяемая как совокупность значений, отражающих различные отношения в системе «говорящий-сообщение-действительность», модальность утрачивает статус единой категории, требующей однородности входящих в неё элементов и системности средств выражения.

Основная часть. Модальность является не только языковым понятием, рассматривается с разных точек зрения, что порождает разнообразие подходов к изучению данной категории. Рассмотрим сущность модальности и различные трактовки этого понятия. Концепция В.В. Виноградова, рассматривающая модальность как семантическую категорию широкого объема, играет важную роль в русском языкознании. Он пишет: «Каждое предложение включает в себя как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [5, 55-56].

В грамматике-80 термин «модальность» обозначает разные явления, объединяемые тем, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому и сообщаемого к действительности [9, 240].

Г.А.Золотова считает, что «модальность – понятие сложное и многоплановое, включающее разнородные модальные характеристики, которые проявляются в разных аспектах структуры предложения, зачастую наслаиваясь одна на другую» [6, 140]. Модальность предложения рассматривается как субъективно-объективное отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности [6, 143].

В современном русском языке категория модальности передается разными средствами, при этом различия в способах выражения этой категории отчасти связаны с внутренними различиями её синтаксико-семантических функций. Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности является факультативным признаком высказывания. Семантический объём субъективной модальности шире семантического объёма объективной модальности. Во многих исследованиях подчеркивается условность противопоставления объективной и субъективной модальности. По мнению А.М. Пешковского, категория модальности выражает только одно отношение – отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, т.е. «отношение к отношению» [7, 106]. Швейцарский ученый Ш. Балли предложил для двух слагаемых значения предложения названия диктум (объективное содержание) и модус (выражение позиции мыслящего субъекта, его отношению к этому содержанию) [1, 34-38]. Семантика необходимости имеет особый статус в системе модальных значений. Хотя интерес к проблеме субкатегоризаций значений необходимости возник давно, до настоящего времени вопрос о разграничении значений долженствования, необходимости, вынужденности остаётся дискуссионным. Одни исследователи признают в качестве инвариантного для данной группы значение необходимости (С.С.Ваулина, С.Н.Цейтлин), другие – значение долженствования (Н.Ю.Шведова). Согласно иным исследовательским позициям, инвариантным считается значение вынужденности [11]. Значения долженствования представляет такую связь между субъектом и действием, которая обусловлена причинами, связанными с внутренним осознанием субъектом обязательности действия. Выполнение потенциального действия предьявляется субъекту как долг, не зависящий от его воли, желаний или иных субъективных обстоятельств. Семантически родственными значениями микрополя необходимости являются значения потребности и вынужденности. В некоторых случаях потенциальные действия представлены как нежелательные для субъекта, то есть вынужденные, что, тем не менее, не является строго обязательными. Значение потребности, напротив, представляет положительно оцениваемую ситуацию, поскольку осуществление

изложенных в ней действий направлено на достижение желаемого результата. В данной работе инвариантным для данной группы считается значение необходимости. Одним из параметров категории модальности является оппозиция «возможность/ необходимость». Философы утверждают, что *необходимость* и *возможность* представляют собой звенья одной цепи, так как *необходимость* одной вещи есть одновременно *возможность* для некоторой иной вещи [12]. С лингвистической точки зрения модальность необходимости – это обусловленность ситуации «теми или иными (объективными или субъективными) факторами, которые с точки зрения некоего лица (субъекта модальной оценки), требуют непременно превращения потенциального в актуальное» [10, 142]. Следовательно, категориальная ситуация необходимости принадлежит к разряду ситуаций потенциальных, а не фактических. В данном случае речь идет о безальтернативном и непременно превращении *потенциального* в *актуальное*. *Необходимость* может являться одновременно и ситуацией волюнтаривной, требующей для своей реализации волевых предпосылок, направленных на обеспечение реализации действия, т.е. предполагающей наличие некоего волевого начала, обеспечивающего возможность реализации действия. Носителем волевого начала является субъект волюнтаривности, который в большинстве случаев совпадает с субъектом действия: *Ему необходимо чаще писать матери*. Но может и не совпадать с ним: *Нужно чтобы он чаще писал матери* (кто-то другой должен на него воздействовать для этого). Основными репрезентантами частных модальных значений необходимости выступают лексические средства, которые представляют центральную зону соответствующего функционально-семантического микрополя.

Максимально приближенным к центру микрополя необходимости оказываются лексемы *нужно, должен, надо, необходимо, стоит, следует, обязательно, пора, время, неизбежно* и т.д. Выступающий в сочетании с лексемой *нужно* инфинитив называет действие, которые детерминируют ситуацию потребности. Лексема *должен* является основным экспликатором частного значения долженствования. Практически каждая модальная ситуация, представленная при помощи лексем *должен, должно, может* быть включать в себя 1) требования закона, 2) служебную обязанность 3) этические правила 4) соблюдение правил, норм, инструкции и т.д. Прилагательное *необходимый (необходим)* актуализирует такие частные модальные значения, в которых реализация эксплицированной потребности направлена на активизацию имплицитной ситуации возможности. Функционирование предикативного наречия *надо* характеризуется преимущественной реализацией частного модального значения потребности. *стóит* актуализирует частное значение долженствования, содержащее семантический оттенок побуждения «*имеет смысл, следует, надо*». Кроме того, *стóит* репрезентирует частное значение потребности. Модальный модификатор *следует* в сочетании с зависимым инфинитивом актуализирует те же семантические оттенки, что и лексема *стóит*. Репрезентированные им частные значения необходимости представлены в текстах-инструкциях, консультациях специалистов и т.п. и имеют некоторый оттенок категоричности, что определяется закрепленностью данной лексемы за определенным «семантическим вариантом обязательной ситуации» – «нужно, должно, необходимо». Семантические свойства наречия *обязательно* и прилагательного *обязательный* ограничивают функционирование данных модификаторов рамками совмещенного модального значения долженствования-неизбежности «действие обязательно к исполнению и непременно получит реализацию». Лексико-семантическую группу неизбежности составляют экспликативы *неизбежно (неизбежный), неминуемый (неминуем), суждено* и под., которые характеризуются низкой частотностью употребления. Лексемы *пора* и *время*, выполняющие роль темпорального маркера ситуации необходимости и указывающие на обстоятельства существующей необходимости, актуализируют частное значение потребности либо вынужденности [13]. В русском языке семантическое микрополе необходимости в большинстве случаев представлено инфинитивными предложениями. Инфинитив, становясь сказуемым, непременно приобретает определенную модальную окрашенность. Модальность инфинитивного сказуемого является не зависимой от лексического значения других слов. Характерным модальным значением независимого предикативного инфинитива следует признать значение необходимости, которое путем анализа может вскрыть, в той или иной степени, во всех разрядах инфинитивных предложений, что не исключает наличия и ряда других модальных оттенков, составляющих специфику отдельных групп этих предложений. Каждая из этих групп отличается известной общностью модального значения. Так для большинства инфинитивных предложений без частицы «бы» характерно значение необходимости с указанием или без указания на то лицо, которое должно его совершить. Например: *Где, - думает, - матери столько денег взять за меня заплатить.* (Л. Толстой.)

در فکرش چنین می گذشت: مادر این همه پول را باید از کجا گیر بیاورد که به جای من پرداخت کند.

Dar fekraš čonin migozašt:madar in hame pul rā bāyad az kojā gir bi-yāvarad ke be jā-ye man pardāxt konad. инфинитивные предложения с частицей «бы» представляют особый синтаксический тип инфинитивных предложений. В.В.Виноградов считает, что для модальности этих предложений характерно сочетание двух значений — дебитивного и желательного(оптативного) [4, 282]. В одних разрядах более заметен оттенок долженствования (в форме внутренней, субъективной необходимости) *Его бы к нам зазвать какнибудь, устроить вечерок(Ч).* باید مهمانی کوچکی ترتیب بدهیم و یک جوری آنها را دعوتشان کنیم. Bāyad mehmāni kučaki tartib bedahim va yek juri ānhā rā da'vatešan konim. в других – желательности (в форме объективной необходимости). *Выдать бы тебя за богатого человека(Ч).* کاش تو را به یک آدم ثروتمند شوهر می دادم. cāš to rā be yek adam servatmand šohar midādam.

При переводах модальности необходимости на материале русского и персидского языков мы рассматриваем семантические поля необходимости и основные способы их выражения в русском и персидском языках. Особое внимание уделяется ситуациям, где данное модальное значение выражается в

рассматриваемых языках разными способами. В частности, значение необходимости нередко выражается в русском языке инфинитивными конструкциями, в то время как в персидском языке предпочтение отдается сочетаниям модального глагола с инфинитивом. В этих случаях можно говорить, конечно, не об обязательных законах, но о сильных вероятностных тенденциях.

В семантическом поле необходимости выделяется ряд подзначений:

а) внешняя необходимость (когда необходимость совершения действия зависит от состояния мира, то есть от внешних условий, факторов.) например: *надо позвать врача* کرد باید به پزشک تلفن کرد bāyad be pezešk telefon kard.

б) внутренняя необходимость (когда необходимость совершения действия зависит от внутренних потребностей, моральных обязанностей субъекта) например: *Он чувствовал, что ему должно разбудить ее духовно.* حس می کرد که باید او را از نظر معنوی بیدار کند. hes mikard ke bāyad u rā az nazare ma'navi bidār konad..

в) деонтическая необходимость (когда необходимость совершения действия зависит от социальных норм, то есть деонтически необходимо то, что вытекает из законов или норм действующих в обществе.) например: *надо всегда говорить правду.* همیشه باید حقیقت را گفت. hamiše bāyad haqiqat rā goft.

г) эпистемическая «необходимость» (оценка говорящим какого-либо положения дел с точки зрения достоверности. уверенность говорящего в достоверности события) например: *Должно, третий.* حدوداً بایستی. hodudan bāyesti sa'at se bāšad.

д) физическая необходимость (необходимость по законам природы, общепринятые истины) например: *Без света и воды растение умрет.* بدون نور و آب گیاه پژمرده می شود. be-dune nuro āb gi-ah ražmorde mi-šavad

е) необходимость при отрицательном отношении участника к ситуации. (действие представлено как нежелательное для субъекта, то есть вынужденное.) например: *В настоящее время он тоже принужден был выйти из университета...* اکنون هم چنین مجبور بود دانشگاه را ترک کند u aknun ham-čenin majbur bud dānešgāh rat ark konad.

Эти модальные поля состоят почти из одних и тех же предикатов, и различия, позволяющие выделять данные значения в отдельные группы, не присутствуют: например, персидский глагол باید и русские слова *надо* и *нужно*, употребляющиеся для выражения внешней и деонтической а также выражающие внутреннюю необходимость.

При сравнении модального значения необходимости в русском и персидском языках на основе собранных и анализированных 200 примеров нами были получены важные выводы.

Внешняя необходимость составляет 39% (78 высказываний), внутренняя необходимость совершения действия составляет 27% (54 высказываний), деонтическая необходимость совершения действия составляет 10,5% (21 высказывание), эпистемическая необходимость совершения действия составляет 2% (4 высказывания), физическая необходимость составляет 0,5% (1 высказывание), необходимость при отрицательном отношении участника к ситуации составляет 8,5% (17 высказываний), конструкции, выражающие внутреннюю и деонтическую необходимость совместно составляют 8% (16 высказываний), Конструкции, выражающие внешнюю и деонтическую необходимость совместно составляют 3% (6 высказываний), Конструкции, выражающие внутреннюю, внешнюю и деонтическую необходимость совместно составляют 1,5% (3 высказывания), от общего количества проанализированных примеров. При анализе нашей кортатеки мы пришли к выводу, что как в русском, так и в персидском языках основной признак семантической дифференциации модальной категории необходимости заключен в характере необходимости, который определяется как внешними факторами, как и внутренними. В ходе исследования структуры инфинитивных предложений было установлено, что 70,80% инфинитивных предложений – это предложение с главным членом – инфинитивном несовершенного вида, и лишь 29,2% - предложение с главным членом – инфинитивном совершенного вида. Это связано с тем, что именно инфинитив несовершенного вида наиболее ярко демонстрирует семантику потенциальности, «обращенности в будущее», а поэтому наиболее часто выражает в предложении значение необходимости.

Выводы. Как в русском, так и в персидском языках основными репрезентами частных модальных значений необходимости выступают лексические средства, которые представляют центральную зону соответствующего функционально-семантического микрополя. В русском языке максимально приближенными к центру микрополя необходимости оказываются лексемы *надо*, *должен*, *нужно*, *необходимо*, и в персидском языке – лексемы *باید*, *بایستی*, *باید*, *بایستی*, *می بایست*, *باید*, *بایستی*, *می بایست*. В персидском языке глагол *باید* *байад* характеризуется преимущественной реализацией модального значения необходимости. Глагол *باید* *bāyad* составляет 52% от общего количества примеров. Глагол *بایستن* *bāyestan* – 1,5%, что говорит о непродуктивности конструкций с глаголом *بایستن* *bāyestan* в современном персидском языке, глагол *مجبور بودن* *majbur budan* *ناچار بودن* *načar budan* (4%), *لازم بودن* *lazm budan* (4,5%), *بهرتر بودن* *bahter budan* (1%), *وقتش است* *vaqt-eš ast* (1%), лексема *وظیفه* *važife* (0,5%), повелительное наклонение (1%), В персидском языке модальное значение необходимости выражается и имплицитно (16,2 %).

В русском языке семантическое микрополе необходимости нередко представлено инфинитивными предложениями, (13% от общего количества проанализированного нами материала) в то время как в персидском языке предпочтение отдается сочетаниями модального глагола с инфинитивом.

Мы обнаружили, что средства выражения необходимости в русском языке, больше чем в персидском. Это проистекает от глубоких грамматических различий между данными языками. При анализе ряда подзначений необходимости мы пришли к выводу, что основной признак семантической дифференциации данной модальной категории заключен в характере необходимости, который определяется как внешними

факторами, так и внутренними. Внутренняя необходимость предполагает наличие детерминирующих реализацию потенциальной ситуации факторов в самом субъекте. Внешняя необходимость соответствует потенциальной связи между субъектом и признаком, существование которой обусловлено факторами, находящимися вне самого субъекта.

Источники и литература:

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955.
2. Белошапкина В. А. Современный русский язык / В. А. Белошапкина. – М., 1999.
3. Беляева Е. И. Достоверности / Е. И. Беляева // Теория функциональной грамматики, темпоральность, модальность. – Л., 1999.
4. Виноградов В. В. Вопросы синтаксиса современного русского языка / В. В. Виноградов. – М., 1950.
5. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов. – М., 1975.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
7. Пешковский А. М. Русский язык в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 2001.
8. Рубинчик Ю. А. Грамматика персидского языка / Ю. А. Рубинчик. – М. : Восточная литература РАН, 2001. – 600 с.
9. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведой. – М., 1980.
10. Теория функциональной грамматики, темпоральность, модальность. – Л., 1990.
11. Е. И. Беляева : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : nspu.net/fileadmin/marina/Doc/disertacia/lesonen.doc
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : lanetadisser.com/.../dis_121301.html
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.kantiana.ru/science/avt_gaponova.doc

Штейнбук Ф.М.

УДК 821.161.1"190/192".09

РУССКИЙ ДЮМА ТЕЛЕСНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ (ПОВЕСТЬ М. АРЦЫБАШЕВА «ЖЕНЩИНА, СТОЯЩАЯ ПОСРЕДИ» В КОНТЕКСТЕ ТЕЛЕСНО-МИМЕТИЧЕСКОГО МЕТОДА АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Так будут последние первыми...

Мф. 20:16

Не секрет, что литературные репутации очень часто подвержены самым разнообразным капризам, характер которых, к сожалению, определяется не столько художественными, сколько социальными, историческими, политическими и прочими факторами, к литературе отношение почти не имеющими.

Смеем полагать, что именно таким образом и сформировалась репутация М. Арцыбашева, ставшего в этой связи едва ли не автором одного произведения, принёсшего писателю скандальную славу и приведшего к тому, что интерес к творчеству этого автора, по сути, ограничился романом „Санин” (1907). А так как вскоре общественный строй в России подвергся радикальным, собственно, революционным изменениям, то из-за специфического содержания произведений М. Арцыбашева его тексты и вовсе утратили какой бы то ни было шанс на то, чтобы попасть во второй или хотя бы в третий ряд советского литературного канона.

Любопытно, однако, что и после развала Советского Союза, когда цензурные ограничения утратили свою актуальность, а книги М. Арцыбашева стали достоянием критики и публики, ситуация изменилась не намного: место писателя и его произведений продолжает сохранять маргинальный статус, вызывая к себе читательский, да и научный интерес только у довольно узкого круга.

В связи с вышесказанным **цель** данной статьи заключается, прежде всего, в том, чтобы попытаться обозначить причины: во-первых, возникновения такой однобокой репутации, во-вторых, маргинализации литературного наследия М. Арцыбашева и, в-третьих, искажённого понимания его произведений.

В свою очередь, для достижения этой цели объектом нашего анализа мы избрали не „сакраментальный” роман „Санин”, а повесть с несколько странным (даже учитывая библейскую аллюзию, возникающую благодаря эпиграфу) названием – „Женщина, стоящая посреди”. Кроме этого, наш анализ будет строиться на основе принципов новейшего телесно-миметического метода [см. об этом подробнее: 1; 2], что, как нам представляется, и должно обеспечить адекватное понимание своеобразия поэтики произведений М. Арцыбашева.

Примечательно, что активное неприятие или, по крайней мере, негативное отношение к творчеству М. Арцыбашева свойственно даже прямо противоположным по своим идейно-политическим убеждениям критикам. Так, оценка наследия писателя русским критиком-эмигрантом Ю. Айхенвальдом ощутимо перекликается с мнением К. Чуковского, в своё время принявшим революцию. В частности, Ю. Айхенвальд был убеждён в том, что „за исключением немногих второстепенных штрихов, рассказы его [М. Арцыбашева. – Ф. Ш.] поражают эстетической беспомощностью и пошлостью” [3, с. 65]. Вторил этой